

ее къ Трухачевскому. Послѣдній также слѣтъ не былъ, и потому естественно, что между женою и Трухачевскимъ установились своеобразныя отношенія, „установился какъ бы электрическій токъ“. Эту „одинаковость выраженія взглядовъ и улыбокъ“ почувствовалъ и Позднышевъ. И чѣмъ болѣе онъ это чувствовалъ, тѣмъ сильнѣе ревность жгла ему сердце.

Однимъ вечеромъ, возвращаясь домой съ выставки, ревнивый супругъ къ удивленію своему засталъ у себя Трухачевскаго. Когда онъ увидалъ въ передней его новую модную шинель, звѣръ ревности тотчасъ же проснулся. Разстроенному воображенію, разыгравшемуся чувству предстала страшная картина, а въ больной головѣ пробѣжала мысль: „очевидно, звуки фортепіано (изъ залы доносились звуки музыки) для того, чтобы заглушить ихъ слова, поцѣлуй... можетъ-быть“. Съ искаженною отъ злобы физиономіей вошелъ онъ въ залу, на сколько могъ любезно поздоровался и замолчалъ, раздумывая о томъ, что между ними уже все обдѣлано, конечно, условлено, что онъ опоздалъ. Оплошность жены, когда она, говоря про себя и Трухачевскаго, употребляла мѣстоимѣніе *мы*, только подлила масла въ огонь. Музыкантъ скоро удалился, чувствуя, очевидно, неловкость своего положенія и понимая смыслъ того любезнаго и злого выраженія, которое скройлось на физиономіи героя при входѣ его въ залу. Позднышевъ разразился гнѣвомъ. Бѣдная супруга, которая давно уже оставила всякія думы о счастіи, дѣлаетъ попытку къ миру, старается успокоить его. Но безобразный ревнивецъ понялъ это (какъ и все) не такъ, а обратно. Онъ увидѣлъ въ женѣ притворство, и злоба его распадается до того, что является потребность выразить ее физически. Онъ дико закричалъ ей „уходи“ и началъ бросать со стола письменныя принадлежности. Она ушла и супругъ успокоился. Съ женой сдѣлалась истерика: она кричала, плакала и смѣялась. Какое ужъ тутъ притворство? Позднышевъ понялъ это и ссора замялась, а „въ воскресенье собрались гости и они играли“. Исполнена была бетховенская „Крейцерова соната“. Рассказчикъ дѣлаетъ передышку и философствуетъ о музыкѣ. Діалектикой его мы побѣждаемся. Страннымъ, непонятнымъ образомъ дѣйствуетъ музыка. Она пробуждаетъ въ насъ наше сердце, волнуетъ его, настраиваетъ; она заставляетъ насъ дѣйствовать подѣ